

На далеком отечном горизонте, за причудливыми скалами черных туч, медленно погружалось кроваво-красное солнце, обещая непогоду, а хотонные бабы, окруженные детьми и собаками, живо обдирали остывающий труп красного оккупанта.

Через час, на месте, где лежал пришлый силач, осталась лужа запекшейся крови, свежая требуха, набитая теплой, густой, пахнущей массой пережеванной травы, тонкие кишки с жидкой массой, голова с остекляневшими холодными глазами и четыре, отрезанные по колени, ножки, с окровавленными черными копытами...

Был тихий, теплый, лунный весенний вечер. В Ырке - верхнее отверстие кибитки - гляделись тысячи бледных звезд. В соседних кибитках раздавались оживленные голоса, плачь и возгласы детей, а в стороне от хотона ожесточенно дрались собаки.

---000---

Ш. В.

По СТРАНИЦАМ КАЛМЫЦКОЙ СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ.

В этих калмыцких советских газетах пишутся разные вещи и пишутся таким „калмыцким“ языком, что даже интеллигентному калмыку трудно в них что либо понять. Это действительно новое слово, новый язык, подлинное достижение большевиков. Ибо в этом „калмыцком“ языке не только отдельные предложения состоят из невообразимой смеси русских и калмыцких слов, но даже отдельные слова состоят из русских и калмыцких частиц. Читая эти газеты, думаешь: или льди там пишущие действительно большие льди или круглые невежды.

Само собой разумеется, львиная доля этих писаний относится на тему „о социалистическом строительстве“. Когда они пишут „о сплошной коллективизации“, „о значении черного металла“, „о тяжелой индустрии“, то мы не обращаем на них внимания, на их „калмыцкий“ язык. Очевидно, о таких высоких вещах можно писать на каком угодно тарабарском языке. Но вот в номере 146-й газеты „Тангачин Зайнгу“ некий Даван Гярй нашел нужным написать большую статью о „калмыцком художественном слове“ и нам хочется об его писании довести до сведения наших читателей.

По утверждению Давана, калмыцкое художественное слово является „детисем октября“, что до этого было только пустое место. Рассуждения его на этот счет чрезвычайно интересны, потому мы приведем их в дословном переводе:

„Художественное слово калмыцких пролетариев родила октябрьская революция. В огне той войны родилось оно, в ней развивалось, в огне той страшной эпохи борясь сердце (?) его укрепилось. Стальное перо калмыцких революционных писателей в сердце царских слуг вбивалось, крепкое, острое слово их дух и смелость мирян возбуждало... С пулями, шрапнелюкми и бомбами стихи и песни сплелись, с жестоким зимним холодом железное перо писателей рядом шло -

Красное знамя поднимем,
По улицам рядами пройдем,
Красно-желтый Хануков-командир
Криком „ура“ дух поднимал.
Молодежь, в Мацаке живущую,
Манджин Хохол возглавляет,
Манджин Хохол хотя и возглавляет
Маркса учение он распространяет“...

Так кратко и „авторитетно“ передает этот Даван историю зарождения калмыцкого художественного слова и такой „блестящий“ образец его он приводит. Затем автор рисует заманчивую картину бурного роста, развития этого самого „художественного“ слова, о количественном росте калмыцких писателей, о том, что этот рост заставил, мол, создать специальную организацию - НАПЦ (калмыцкая ассоциация пролетарских писателей!)

Но, странное дело, расписав такой необыкновенный успех, автор приходит к совершенно неожиданному заключению. Оно настолько интересно, что мы его приведем целиком в дословном переводе:

„Наш „Калмыцкий Союз пролетарских писателей“, — пишет Даван, — никакой деятельности не проявил. Во-первых, в деле развития художественного слова калмыцких писателей КАПП не давала никаких указаний. Произведения писателей не рассматривались, критики не было, как попало помещали в печати, писателям не указывался путь, ошибки, промахи не исправлялись. И теперь ни одному писателю в развитии его творчества никто не оказывает помощь... Во-вторых, производительной деятельности не было. 4-5 чел. составляли правление, но они ничего не делали, заседания не посещали, произведения писателей не разбирали, художественных словок не интересовались, качество его не поднимали. Некоторые из писателей, формально войдя в КАПП, положили членский билет в карман, дальше совсем переставали писать. Из больше чем 40 чел. большинство только на бумаге состоят членами КАПП. Вообще, то обстоятельство, что политическое значение художественного слова у нас не принималось во внимание, является большим злом в нашей работе... В-третьих, свыше, ныне прекратившая свое существование КАПП, союз малых народов, в том числе Союзу калмыцких писателей, решительно никакого указания не давала. Действовать только полагаюсь на самих себя было трудно. Даже наш крайний КАПП решительно никакого указания не давала... Вот такие недостатки имели место в жизни нашего Союза калмыцких писателей“...

Но теперь, по утверждению автора статьи, дело должно пойти уже по новому, по иному. Теперь создан Оргкомитет, который должен созвать С'езд для создания новой организации. Тогда уж держись, удержи не будем, покажем миру, где раки зимуют! Тогда мы начнем с отделения овец от козлиц, похвалается автор, потому что сейчас ищется „писатели, последние произведения коих выправлены, которые свои творения, вполне согласующиеся с учением Маркса-Ленина, преподносят народу“ ,но и есть писатели, „последние произведения коих искривлены, которые пошли по вредному пути, которые поют злую песню“...

Одним словом, через 12 лет безграничного владычества у нас на фронте художественного слова еще ничего нет. Но будет. Яблоко от яблони не далеко падает. Как советская верхушка все положительное относит на будущее время, так и несчастные калмыцкие ее слуги идут всяческими благ от будущего.

Этот самый Даван Гярй ко дню „октябрьского вбилея“ выпускает свой сборник стихотворений под названием „За социализм“. Каково будет содержание этой книги — догадаться не трудно. Наверно все в нем будет „согласоваться с учением Маркса-Ленина“.

Один из корреспондентов этой газеты сообщает, что 25 октября должен состояться С'езд калмыцких писателей, представителей совхозов, колхозов и т.д. И вот на этот то С'езде должна родиться та самая организация, которая должна в будущем мир перевернуть — возвести художественное слово на недостижимую высоту! Хотя, с другой стороны, не совсем известно, что будет деять этот С'езд, ибо „какие вопросы будут обсуждаться на нем ОБКО партии еще не решил“.

Недавно стала выходить новая калмыцкая газета под названием „Барчэ“ (Печатник) — „орган рабочих и служащих Казниздата „Красный Калмык“ и сотрудников редакций областных газет“. Выходит она на двух языках — калмыцком и русском. Размер — четверть печатного листа. Содержание — пустое. Первая страница започтена всякими призывами — быть готовыми к 15-й годовщине Октября, а вторая страница заполнена сообщениями каких-то сотрудниц, которые вешают миру, что работают там-то и там-то, получают такое-то содержание и призывают всех брать пример с них. Одна из них пишет: „работал в типографии Казниздата с начала 1930 г., сначала работала ученицей наборного цеха, потом через несколько месяцев наборщицей. Состав в рядах ударников, профинплан выполняю на 150-160 проц., зарабатывав в среднем 190-200 руб. в мес. За перевыполнение планов три раза премирована. Сейчас взяла на себя

www.elan-kazak.ru
Свободность образцово подготовил музеевский кружок призывов. А 15-го дождя. Призывав всех рабочих, хозяев и трудящихся крестьян, одиночников прийти в великой годовщине с самыми наилучшими показателями выполнения профин-плана“.

Вот и все сообщение. Мы приведем его целиком как типичный образец всех тех писаний этой газеты, чем она заполнена. Все остальные „сотрудницы“ ищут буквально то же самое. Прямо серийная работа.

Некий Колян Санджаэ издав свой сборник стихотворений под названием „Стихи социализма дождя“ и наивно теперь возмущен на себе рвет, что нечистая сила заставила написать эти вещи. Потому что в газете „Тангачин Зэнгэ“ некий Фера Наршин дал „уничтожающую“ критику этой книге. То что написано в ней, по мнению этого „критика“, является „троцкистской контрабандой“, а „троцкизм“, — поясняет этот критик, — является авангардом мировой контр-революционной буржуазной армии“. Вот бедный! Колян Санджаэ! Сидел, пыртел, корпел, писал свои несложные стихи, хотел внести и слов лепту в родную поэзию, а угодила прямо в „авангард мировой контр-революции“.

А почему же он туда попал? Оказывается, он, по доброте душевной, книгу слов посвятил Джалга Хохоху, председателю ЦК КАО и написал на первом странице:

Джалга Хохох, большевик!
Без всякой примеси лести,
Командиру армии социализма,
Тебе, родной, солдату
Книгу слов посвящаю.

И вот суровый „критик“, подчеркнув слово „лести“, восклицает: раз он говорит „без лести“, то значит он обязательно льстит, значит у него есть причины, чтобы льстить, значит он этой своей лести что-то прикрывает, может эту самую „троцкистскую контрабанду“! Нет, номер твой не пройдет, ибо „для Джалга Хохоха один мизинец какогонибудь пролетарского ребенка дороже, чем сотни льстивых Санджаэ“.

„Верность ученив Маркса-Ленина, верность ученив Сталина, терпимость генеральной линии партии обнаруживается в писании истории революции, большевизма“, — пишет этот „критик“, по мнению которого Колян Санджаэ (автор книги) этому основному требованию партии не подходит (а мы думаем, что этот злополучный калмыцкий поэт и представления не имеет об учении Маркса-Ленина-Сталина. П.Б) потому что в своем сборнике написал стихотворение, посвященное „картлевой революции“. На основании этого, по мнению „критика“, Колян Санджаэ, „обладатель острого языка, что имеется и у собаки“, принадлежит к числу тех людей, которые „сознательно путая политические вопросы, стремятся через кожу косать (вашу) кровь“... .

Какие последствия будет иметь такое категорическое осуждение, высказанное на страницах центрального печатного органа КАО, само собой ясно. Несчастный стихотворец, написавший свои несложные вещи и прямо угодивший в загарь „кровопийц“. А отсюда недалеко и до путешествия на Соловки... .

В номере 143 газеты „Тангачин Зэнгэ“ главный столп КАО, некий Цурян Анджур (секретарь ЦК) поместил большую статью о „Латинском шрифте — октябрьском письме“. В этой статье он авторитетно объясняет, чем являлось старое калмыцкое Зая-пандитовское письмо. По его утверждению, „это старое калмыцкое письмо являлось достоянием только духовенства, богачей, нойонов и зайсангов, которые при помощи этого письма угнетали темную массу. Зая можно при помощи письма угнетать? На этом письме распространялись молитвы (?), ложь, сплетни. При помощи этой ложной молитвы богачи, нойоны и зайсанги хозяйственно эксплуатировали, политически угнетали темную массу. Это старое письмо не было знакомо трудящимся. Почему? При царизме не думали просвещать народную трудящуюся массу. Если посмотреть с этой стороны, то станет ясно, что старое письмо не только помогало трудящимся, но являлось оружием их закабаления“... .

Так разделив старое Зая-пандитовское письмо, всю старую калмыцкую литературу, этот новоявленный вождь калмыцкого народа длинно рассказывает, как „октябрьская революция дала калмыцкому народу благодатное латинское письмо“, как это письмо

...и письменной быстрой просветило народ, что в течение только двух лет со дня введения его 70% населения стало грамотным; какая обширная литература на этом письме уже создана, как эта литература с увлечением читается народом и т. д.

А дальше повторяется „сказка про белого бычка“, обычное для большевиков — начать за здоровье, а кончать за упокой. Чтобы не распространяться самому, предоставим слово самому Пурвян Андмур.

„На этой блестящей странице, — повествует он, — ищется много упущений. Это и не удивительно (именно! ШВ), ибо в такой огромной работе упущения, промахи неизбежны. Упущения эти следующие: а) как по линии просвещения, так и низовые сельсоветы по настоящему не берутся за распространение этого нового письма; б) только во время культиштурма письмо это распространяется, а все остальное время за его распространение никто не берется; в) как областной комитет по введению латинского шрифта, так и областные просветительные учреждения не берутся за дальнейшее изучение этого вопроса, не ищут лучшего способа приспособления этого шрифта к калмыцкому языку.

Что нужно делать нам дальше? Во-первых, не ослабляя повей, надо еще больше распространить это письмо среди народа. Распространять не только через культштурма, но и через школы и др. просветительные учреждения; во-вторых, некоторые буквы надо исправить (?), надо их согласовать с языком (только теперь? ШВ). Надо постараться издать грамматику калмыцкого языка (конечно, им нужна новая „октябрьская грамматика“, ибо для этих „новых людей“ существующие старые калмыцкие грамматики — тоже орудие закабаления трудящихся масс! ШВ). Калмыцкая грамматика очень нужная вещь, потому что теперь каждый человек пишет так, как ему вздумается“...

Вот это и есть „достижение“ на фронте языка, письма. Общий вывод: в настоящем есть кабардак, а в будущем (о, в будущем!) будет все!

Раз люди только к 15-й годовщине „Октября“ додумались до необходимости иметь грамматику и приемы и выводу, что при писании нужно придерживаться каких-то правил, если им и теперь приходится объяснить, „мотивировать“ — почему нужна грамматика, то что говорить о существующей латинском письме, о той литературе, о том калмыцком художественном слове, кои создано на этом письме и на этом „табасганском“ языке,...

О, чудны дела Твои, Господи!

ЖИЗНЬ КАЛМЫЦКОМ ЭМИГРАЦИИ.

О калмыцкой эмиграции в Югославии. Имея работу далеко в провинции я живу обособленно от основного ядра наших собратьев в Югославии, но письменную связь имею. Сколько точно калмыков в Югославии затрудняюсь сказать. При мне Мокролуцкая колония насчитывала, по сведениям правления колонии, 283 души, не считая провинциальных групп и отдельных лиц. Знал, что в Црпенае две-три семьи, несколько человек живет в Драчеваце, Деновице. Организации других, кроме правления колонии, нет. Журнал „Мана Санан“ издан не организованной группой, а просто случайным подбором. Слышно, что наши пытались отправить человека ходоком в поисках земли, но, кажется, ничего не выходит. Смертных случаев этом году было два, а родилось трое. Нужда от безработицы не так велика. Хуруя в жизни колонии играет положительную моральную роль.

Собкор.

О калмыцкой эмиграции в Болгарии. Число калмыков, зарегистрированных „Комитетом по делам калмыков в Болгарии“ — 183 души. Расселены калмыки, гл. об., в Софии, но ее окраинах (Хаджи-Дмитров, Красное село и др.), в Пловдиве и Перинке. Безработица многих ввела в нужду, но все же как то перебиваются, как болгары говорят „с гору на долу“. Организации, кроме вышеуказанного комитета, уже существующего около 10 лет, нет. Председателем его состоит ныне Джаб Кавларшов. Весной этого года умерла его еще молодая жена — Орвдзул (урожденная Джанова), осиротив двух малолетних детей. Жизнь калмыцкой колонии по другим странам нас интересует и мы с удовольствием читаем всякие сведения.

Собкор.